

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie. . . . .
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern . . . 70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 17 (373)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

17 Сентября 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: „Bâtiment 11“

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Испанские события и война.

П. Гарви. Кровавая грань.

А. Греков. Заметки.

А. Ю. Кто рукоплещет?

Международные отклики на московский процесс.

Фельетон: Ф. Дан. Пути возрождения (окончание).

Зарубеж: На Народном Фронте Франции. — Хаим Канторович (некролог).

По России: Пять недель в Советском Союзе (Впечатления американского социалиста).

Издания, поступившие в редакцию.

Почтовый ящик.

От редакции.

Испанские события и война

Борьба в Испании вступила в затяжную фазу. Обе стороны непрерывно укрепляют и развивают свои силы, окопываются, усиливают свои позиции, налаживают свою внутреннюю организацию и готовятся к упорным и долгим боям.

С несравненным мужеством и героизмом, поражающим даже притупившееся после мировой войны воображение, дерутся на всех фронтах рабочие и крестьяне Испании, защищающие свою свободу против фашистской военищины. Революционный энтузиазм широких народных масс творит чудеса. Захватившие врасплох предательским заговором почти всей армии — единственной вооруженной и организованной силы в стране — испанские рабочие под руководством своих организаций сумели буквально голыми руками приостановить опасное распространение пожара, создать из ничего вооруженные отряды, организовать снабжение городов, наладить промышленность и транспорт, создать внушительную военную силу. Эта сила, при всем своем несовершенстве, при всем своем импровизированном характере, уже сейчас настолько велика, что могла бы справиться с фашистским восстанием, если бы фашизм не получал извне мощную поддержку, не только финансовую и организационную, но прежде всего военнотехническую. Итальянские военные аэропланы контролировали транспорт 20.000 марокканцев на материк и парализовали сопротивление правительственного флота, который без того был бы в состоянии воспрепятст-

вовать этой переброске. Германские «Юнкерсы» бомбардируют Мадрид и позиции правительственных войск; итальянские «Капрони» решили судьбу Ируна; иностранные танки и моторные пулеметы участвуют в осаде Сан-Себастьяна.

Переброска марокканских легионов на полуостров и военно-техническая помощь фашистских государств превратили во внушительную наступательную силу кучку испанских генералов и офицеров, лишенных в самой стране всякой массовой опоры. Военно-офицерская организация, снабженная всей мощью иностранной техники, ведет войну против героического, но еще слабо вооруженного и слабо организованного народа. На чью сторону склонятся все победы?

Военно-технический потенциал народных войск непрерывно возрастает. Достаточно сравнить силы республиканского правительства шесть недель тому назад и сейчас, для того, чтобы видеть, в какую сторону развивается тенденция. Но было бы самообольщением закрывать глаза на трудности, на поражения и неудачи. Падение Ируна и С.-Себастьяна влечет за собою потерю почти всего северного побережья. На западе чрезвычайно опасный и сильный кулак мятежников в районе Талаверы направлен к долине реки Тахо, угрожая отрезать Мадрид с юга. Баскские националисты, до сих пор энергично поддерживавшие мадридское правительство, обнаруживают признаки колебания по мере того, как мятежные силы все прочнее обосновываются на се-

вере. Но если Ирун пал благодаря отсутствию у героических защитников его не только пушек, но и простой ружейной амуниции, если им против тяжелой артиллерии мятежников пришлось бороться охотничьими ружьями, то верно и то, что даже те возможности обороны и снабжения, которые имелись в республиканских армиях, не были своевременно и планомерно использованы для защиты северного побережья, благодаря отсутствию единого командования, благодаря вызванному партикуляризмом провинций и партий хаосу, благодаря той неорганизованности, которая неизбежно сопутствует подобного рода стихийным движениям. Каталонцы и баски, анархисты и социалисты, коммунисты и буржуазные демократы, военные спешы, — из всех этих разнообразных и разношерстных элементов, еще не изживших традиций взаимной борьбы и взаимного недоверия, нельзя в несколько недель создать централизованную, управляемую единой волей дисциплинированную силу. Но в огне сражений и в тяжелых испытаниях неудач выковывается единый революционный народ Испании. Уроки Ируна были учтены, и на смену многолокому хаосу первых недель пришло правительство Ларго Кабальеро-Прието, — несущее в себе гарантии единства и централизации.

И при правительстве Хирала становым хребтом республиканского сопротивления были рабочие милиции, организованные социалистической партией, анархистскими профсоюзами и коммунистическими организациями. Фактическое руководство движения лежало в руках Кабальеро, Прието и других рабочих вождей. Теперь фактическое руководство стало и формальным. Испанский пролетариат официально признан вождем общенародной коалиции против наступления фашизма. Марксистские рабочие партии и прежде всего социалистическая партия берут на себя историческую задачу преодоления косности, разбросанности, провинциальной обособленности, и создания действительного единого руководства движением.

Но этот огромный шаг вперед в деле организации революционной армии может оказаться недостаточным, может повиснуть в воздухе, если не удастся преодолеть или уравновесить хоть до известной степени техническое превосходство мятежников, если на каждую винтовку, изготовленную испанскими рабочими, мятежники будут попрежнему получать по пулемету или по пушке из германских или итальянских фабрик, если на каждый аэроплан, с трудом изготовленный или добытый республиканцами, генералы Франко и Мола смогут отвечать целыми пароходами, нагруженными Капро-ни и Юнкерсами.

Тут испанские события вплотную упираются в международную политику великих держав, в частности в большой и тяжелый вопрос о «принципе невмешательства» в испанские дела, прокламированном правительствами Франции и Англии и после долгих колебаний воспринятом Италией, Германией, Советским Союзом и почти всеми государствами Европы.

После той полемики, которая велась во французской и английской прессе, в особенности после изумительной речи Леона Блюма в Луна-Парке, не может быть уже никаких сомнений относительно серьезности и вескости тех внешне- и внутренне-политических мотивов, которые побудили правительство Народного Фронта вступить на путь «невмешательства». И тем не менее, совесть демократических и социалистических элементов Франции и других стран не может примириться с положением, при котором демократия из опасения международных осложнений и войны своими руками отдает революционную Испанию на поток и разграбление фашистским мятежникам. И тем не менее, сознание не может признать неизбежной ту форму, в какую обле-

чена была, пусть неизбежная, декларация «невмешательства». Мы уже указали в «С. В.» (№ 14-15), что блюмовское предложение пакта невмешательства могло оказаться не только ловким, но даже и полезным шагом с точки зрения интересов испанской революции. Если бы удалось реализовать действительно невмешательство всех великих держав на том уровне соотношения сил, которое господствовало в Испании в первые недели восстания, — то это означало бы огромный выигрыш для дела республики. На деле, конечно, никакого всестороннего невмешательства организовано не удалось. Фашистские правительства при помощи нескольких проволок дотянули окончательное присоединение к пакту до самого конца августа. За это время в гаванях Германии и Италии с лихорадочной поспешностью снаряжались в путь пароходы с пушками, танками и аэропланами для испанских мятежников. Между тем, Франция с первого же момента не только прокламировала принцип невмешательства, но и стала его официально осуществлять еще до получения согласия от других держав. Не было ли бы обстоятельнее и предусмотрительнее заявить, что принцип невмешательства будет проводиться и во Франции лишь с момента подписания пакта пятью или шестью основными державами? Не были ли бы в этом случае лучше соблюдены интересы международного права и политической целесообразности? Вот вопросы, которые не перестают беспокоить общественное мнение мирового пролетариата. Нетрудно — простой ссылкой на Советский Союз — разоблачить неискренность и демагогичность коммунистов, использующих испанские события для пропаганды против Леона Блюма. В одной из своих корреспонденций из Испании Кольцов («Правда» от 31 августа 1936 года) язвительно указывает, что иностранные гости, посещающие Мадрид, сделали бы лучше, если бы снабдили Испанию «более действительными и реальными формами помощи». Но ведь в Испанию приезжают и «Советские гости». Однако, до сих пор никто еще не наблюдал в Испании ни великолепных советских самолетов АНТ, которыми так гордится советская авиация, ни знаменитых советских танков, о которых так много пишут в той же «Правде». Мы не сомневаемся, что советское правительство имеет веские основания для того, чтобы не только подписать договор о невмешательстве, но и строжайшим образом (даже черезчур строго, на наш вкус) его соблюдать. Но разве это не те же основания, на которые ссылается и Леон Блюм? Коммунистам, солидаризирующимся с Советским правительством и с его тактикой, не в чем упрекать правительство Блюма. И тем не менее у социалистического пролетариата Европы остается неразрешенное сомнение в правильности тактики и правительства Блюма и правительства СССР*).

Боязнь войны — вот что парализует и связывает как правительство Народного Фронта во Франции, так и консервативное правительство в Англии, так и правительство СССР. Боязнь войны — вот основной лейтмотив внешней политики Франции и Англии в настоящий момент. Боязнь войны и тот глубокий пацифизм народных масс, который сейчас с импозантной яркостью проявился в грандиозных демонстрациях Конгресса мира в Брюсселе! 4.000 делегатов, приехавших из 35-

*) В самом деле, если предположить, что Германия и Италия настолько заинтересованы в победе генерала Франко, что готовы развязать мировую войну в случае снабжения оружием испанских республиканцев, то какие же имеются основания думать, что эти страны дадут себя «поймать» на бумажном нейтралитете, а не будут, не взирая ни на какие пакты и на опасность международных конфликтов, попрежнему доставлять военное снаряжение испанским мятежникам?!

стран и представляющих 750 национальных и международных организаций, принесли брюссельскому конгрессу пламенную поддержку всех сил, направленных к сохранению мира. Нерушимость международных обязательств, уменьшение и ограничение вооружений, усиление Лиги Наций, создание механизма для ликвидации международных конфликтов, — вот те лозунги, под которыми прошел Брюссельский Конгресс Мира. Трудно представить себе, что Конгресс этот заседал в сентябре 1936 года, а не в 1925 году! Среди четырех тысяч делегатов было, конечно, не мало таких, которые великолепно сознавали всю анахроничность и утопичность подобного рода программ. Но наивность, проявленная Конгрессом Мира, была лишь функцией глубочайшей и неистребимой жажды мира, владеющей широчайшими массами Европы и по сей день. Она вытекала не из слепоты, а из нежелания примириться с положением, когда война стучится в двери Европы.

Но одна боязнь войны, при создавшемся в Европе положении, плохое средство для ее устранения. Боязнь войны и беспредельная жажда мира демократий может легко оказаться премией для фашистских насильников, гарантией безнаказанности для разбойных шантажистов, запугивающих мир призраком войны. Не бояться войны, а ненавидеть ее, — этот жоресовский лозунг, о котором недавно напомнил тов. Де-Брукер, должен стать линией поведения «европейской демократии, европейского социализма, если стремиться к действительному предотвращению войны, не попадая одновременно в рабство к фашизму. Организация, под руководством или давлением организованного пролетариата, мощного блока демократических и антифашистских государств, воодушевленных ненавистью к войне и к фашизму, и готовых, в случае неизбежности не отступать, а принять борьбу во имя этих целей, — вот единственный реальный путь для спасения мира.

Кровавая грань

Случилось непоправимое. Перейдена — через кровь — какая-то грань. Камни лубянской стены, о которую разбрызгались мозги идеологов большевизма, ближайших учеников и соратников Ленина, вопиют о политической трагедии русской революции, русского пролетариата, русского народа.

Чувствуют-ли, сознают-ли эту трагедию сами трудящиеся массы, сделавшие революцию неслыханного размаха? Это капитальный, решающий вопрос дня, дальнейших судеб русской революции. Ответить на него из нашего далека трудно. Перед нами кровавая

«ярость масс», обрушенная на головы вчерашних кумиров и вождей. Но ведь мы знаем: народ лишен даже возможности осудительно «безмолствовать», как во времена Бориса Годунова. Мы знаем душеломную силу всенародной пытки страхом, мы знаем и предельную степень морально - политической атрофии, достигнутую в результате двух десятилетий «социалистического воспитания масс» методами агитпропа. Но не все, видно, еще безнадежно, если власти, вместо простого перехода к очередным делам, пришлось после расстрела 16-ти вступить на путь обработки советского общест-

ПУТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ (Окончание)

4. К возрождению социалдемократии.

Между началом и концом печатания этой серии фельетонов лежат московские расстрелы, которые Отто Бауэр вполне правильно называет в своей превосходной статье «ужаснейшим несчастьем для мирового социализма без различия партий и течений».

В чем-же состоит это несчастье? В международном плане — в том, что расстрелы эти подрывают в широчайших рабочих массах и, еще более, в массах мелкой буржуазии города и деревни и в интеллигенции веру в возможность и способность классового революционного движения, прошедшего через фазис революционной диктатуры, ввести эту диктатуру в рамках выполнения самых необходимых исторических задач и, по выполнении их, вернуться на пути демократической свободы; в том, что таким образом чрезвычайно затрудняется и без того нелегкий процесс освобождения рабочих масс от навязанных им предшествующим историческим периодом иллюзий реформизма и абсолютного пацифизма и еще более затрудняется борьба за вовлечение в русло пролетарского социализма того антикапиталистического бунта мелкой буржуазии, который до сих пор везде эксплуатировался фашизмом и служил основой его успехов и побед; в том, что не только ослабляется воля международного пролетариата к защите Советского Союза от грозившей ему со стороны фашизма военной опасности и пониманию той роли, которую может играть революционная советская страна в накликаемом фашизмом мировом военном конфликте, но и вбивается снова клин в только еще начинающееся движение к восстановлению ра-

бочего единства; в том, наконец, что в итоге всего этого, в назревающем историческом столкновении сил социализма и мира с силами фашизма и войны заранее понижаются шансы на успех первых и повышаются шансы вторых. Несчастье, всю глубину которого поистине трудно преувеличить!

Но не менее велико несчастье и в плане внутренне - политическом. Ибо московские события последнего времени означают громадный шаг вперед к самоутверждению и дальнейшему оформлению единоличной диктатуры и тех бонапартистских и реставрационно - капиталистических тенденций носительницей которых она все больше делается, громадное усиление ее шансов на победу в борьбе с теми низовыми, народными силами советского общества, которые воплощают в себе тенденции социалистическо - демократические.

С этим «ужаснейшим несчастьем» необходимо бороться. Его пагубные последствия надо, по возможности, ограничить и сделать все, чтобы они не дошли до «логического конца». Но для этого самое несчастье надо, прежде всего, понять. Никакая действительная борьба невозможна, если считать несчастье каким-то кирпичем, свалившимся на голову, простою случайностью в плавном течении добровольной самоликвидации единоличной Сталинской диктатуры, «построившей социализм» и ныне сознательно спускающейся к той совершенной демократии». Самый «случай» который имел предшественников и, увы, наверно, имеет преемников, надо понять как проявление закономерности развития советского общества, такого важного элемента этого об-

венного мнения в целях оправдания своего истинно злодейского дела и переложения ответственности за него на сами трудящиеся массы.

Именно с этой целью в братскую могилу на безвестном кладбище, в которую воровски свалены трупы казненных апостолов большевизма, все глубже вбивается осиновый кол клеветы. Отравленное оружие лжи и клеветы, которое задолго до революции вошло, по почину Ленина, в обиход борьбы большевиков с их политическими противниками, сделалось при Сталине дополнительным к террору орудием внутривнутрипартийной борьбы. Садистская особенность сталинского метода «военной лжи» заключается в том, что он заставляет жертвы своих клеветнических наветов заниматься самоговорами и самоклеветанием, т. е. самим затягивать удавную петлю на своей шее. Заставить своих вчерашних соратников, революционеров подполья, героев гражданской войны разить друг друга ядовитым оружием клеветы и в смертной тоске воссылать еще хвалу своему палачу — примеров такой изощренной мстительности не найти и в упадочные годы императорского Рима!

Заставив старых революционеров соревноваться на процессе в праве на бесчестье, Сталин в том же садистском духе поставил после процесса и «разъяснительную» кампанию в оправдание содеянного им. В самом деле, кому было поручено вбивание осинового кола в свежую могилу 16 расстреленных? Вчерашним политическим единомышленникам Троцкого и Зиновьева, виднейшим представителям разгромленного «право-левого» оппозиционного блока, имена которых были названы на процессе (Пятаков, Преображенский, Раковский, Радек, Бухарин) или в мировой печати (Крупская, как якобы заступившаяся за ближай-

ших учеников Ленина). Это их клеветливые вопли, выдающие животный страх, наполняют столбцы «Правды» и «Известий» и оттуда переносятся на столбцы иностранной коммунистической печати. Это вдовья Ленина пишет в «Правде»: «Троцкий, Зиновьев, Каменев и вся их шайка убийц действовала заодно с германским фашизмом, вступила в союз с Гестапо. Поэтому так единодушна была страна в своем требовании — бешеных сбавать расстрелять!» Дальше некуда. Дальше моральная бездна, в которую страшно заглянуть...

**

Шайка убийц!.. «Правда» не устает твердить, что троцкистско-зиновьевская оппозиция политически давно мертва, что она не имеет ни идей, ни программ, ни лозунгов и потому совершенно лишена корней в массах. Если головку оппозиции пришлось срезать ножом террора, то только потому, что она встала на пути террора. Посвягая на жизнь Сталина, она посягнула на самое существование Советского Союза. Ибо «Сталин это родина», «Сталин это социализм». Вот это-то отождествление священной особы диктатора с безопасностью страны и с ее социально-экономическим прогрессом и является лейт-мотивом всей «разъяснительной» кампании после расстрелов. Не на жизнь Сталина посягнула оппозиция — это не доказано, ибо самооговоры не доказательство, а на это отождествление диктатора и родины, диктатора и революции, диктатора и социализма.

Вспомним крылатое слово, брошенное Троцким на пленуме ЦК в самый разгар внутривнутрипартийной борьбы за ленинское наследство, за власть: «Опаснейшее из всех опасностей (на случай войны. П. Г.)

как Сталинское единодержавие. И, с этой точки зрения, думается, всякий непредубежденный читатель должен будет признать, что, как ни ужасен московский «случай», он нисколько не выходит из рамок той закономерности, к пониманию которой нас подводит данная в настоящей серии фельетонов попытка анализа социологии современного советского общества. Как ни велико несчастье, оно не опровергает, а подтверждает основные линии этого анализа, а потому не упраздняет, а наоборот, придает новую силу тем выводам, которые из этого анализа должна сделать наша партия. Как бы естественна ни была морально-психологическая реакция на московскую бойню, она не может и не должна сбивать с толку нашу политическую мысль. Как бы ни затрудняла новая «победа» Сталина и без того крайне трудную работу нашей партии, эта победа ни в коем случае не может заставить социалдемократию отказаться от той политической платформы и тех методов борьбы за эту платформу, которые диктуются ей всей социально-политической реальностью завершительной фазы большевистской революции.

**

Что касается политической платформы социалдемократии, то в предшествующих фельетонах она была уже намечена с полной определенностью.

Исходя из оценки нашей эпохи, как эпохи назревавшего боя между фашизмом и социализмом, наша международная платформа, естественно, должна выдвигать на первый план восстановление рабочего единства, активный отпор воинствующему фашизму и защиту революционной советской страны от фашистского наступления. Но более, чем когда-либо, российская социалдемократия должна будет предостерегать международный про-

летариат от отождествления единичной личной диктатуры Сталина с русской революцией; более, чем когда-либо, должна она будет разъяснять, что усиление тех политических тенденций, выразительницей которых все отчетливее выступает эта диктатура, таит в себе опасность такой коренной переориентировки всей внешней и военной политики, которая не может не вступить в самое резкое противоречие с кровными интересами международного рабочего движения, не может не толкать это движение, в его естественном и необходимом стремлении дать активный отпор наступающему фашизму, на пути «священного единения», т. е. на пути, которые подготовили бы победу социализма над фашизмом, а, наоборот, в беду фашизирующихся господствующих классов всех стран над социалистическим пролетариатом.

Насущнейшие интересы международного рабочего движения требуют сохранения Советского Союза в качестве крепчайшего оплота мирового социализма в его борьбе с мировым фашизмом. Но сохранение это возможно лишь постольку, поскольку в самом Советском Союзе удастся предотвратить «бонапартистский» финал. Лозунг — все для защиты Советского Союза! — необходимо сливается таким образом с лозунгом — все для защиты и осуществления тех возможностей развития к социалистической демократии, которые существуют в Советском Союзе помимо диктатуры Сталина и вопреки ей: международная платформа естественно смыкается с платформой внутренне-политической.

Основные черты этой внутренне-политической платформы также сами собою вытекают из тех заключений, к которым приводит анализ советской дей-

является партийный режим, установленный Сталиным». Тогда же Троцкий заявил о допустимости и даже необходимости применения во время войны «тактики Клемансо», т. е. смещения негодного руководства в интересах обороны страны.

Войны еще нет. Война еще только грозит. Но Сталин уже сейчас спешит утвердить «навечно» тот партийный режим, который парализует всякую идейную жизнь в монолитной партии и уничтожает всякую самостоятельность, всякую моральную стойкость составляющих ее миллионов. Троцкий едва-ли и сейчас убедился в том, что режим единоличной диктатуры в партии есть неизбежное следствие режима партийной диктатуры в стране. Но мы-то знаем, что в час грозного испытания потребуются активная самостоятельность не только монолитной коммунистической партии, но и широчайших масс трудящихся, всего народа. Этой самостоятельности нет и не может быть при режиме партийной диктатуры.

В предвидении войны Сталин в превентивном порядке создает необходимое «единство воли и действия» путем моральной дискредитации всех инакомыслящих коммунистов и социалистов, путем физического истребления своих возможных преемников, путем разгрома оппозиционных группировок. Но этим он лишь усиливает «опаснейшую из опасностей», грозящих стране на случай военного испытания. Смутное сознание этой опасности, повидимому, бродит в головах. Приближение военной грозы заставляет прислушиваться к предостерегающим голосам из оппозиционного подполья. Отсюда двуединая реакция Сталина: приманка демократической конституции и кровавая расправа с оппозицией.

Но «разъяснительная» кампания по поводу расстрела

старой гвардии большевизма идет и по другой линии: «Сталин — это социализм». Троцкистско-зиновьевской оппозиции приписывается стремление к реставрации капитализма и буржуазного господства, отрицательное отношение к индустриализации и коллективизации, прямая служба международной капиталистической реакции в форме фашизма. «Убрать Сталина», чтобы расчистить путь к капитализму, — такова была, будто-бы, установка троцкистско-зиновьевских «террористов». В этом «признавались» ведь сами обвиняемые! Ссылаясь на эти «признания», советская печать, давая тон всему чудовищному аппарату государственного внушения, старается вбить в головы молодежи это извращение исторической правды. Но старшее поколение рабочих, но партия, хотя и «очищенная» от еретиков и идейно выпотрошенная, знает, помнит, не может забыть, что именно Троцкий и Зиновьев первыми в партии забили — в борьбе со Сталиным — тревогу о термидорианской опасности на путях нэпа, что именно в платформе левой оппозиции, направленной против Сталина, блокировавшегося с правыми перерожденцами, впервые были сформулированы требования форсированной индустриализации и коллективизации в целях предотвращения стихийного сползания к буржуазному термидору.

Сокрушив левую оппозицию, Сталин перехватил, углубил и развил в стройную «генеральную линию» ее же программу. Но за последние два-три года Сталин, под давлением ряда сложных причин внутреннего и внешнего порядка, вынужден был вступить на путь более реалистической политики в духе отказа от левацких пережитков и заскоков «георической эпохи» генеральной линии. С точки зрения большевистской ортодоксии отступление Сталина на позиции реализма яв-

ствительности. Они могут быть вкратце сформулированы в трех лозунгах, неразрывно между собою связанных: 1. Все для сохранения и развития тех социально-экономических предпосылок социализма, которые созданы предшествующим ходом революции! 2. Все — для действительной демократизации советского режима, для превращения его в подлинную власть трудящихся, без которой ни о каком продвижении к социализму не может быть и речи! 3. Все — для раскрепощения организаций трудящихся, ибо свобода их организации есть ключ к действительной демократизации, непременное условие ее реального осуществления!

Но, если лозунги нашей платформы в завершительный период революции напрашиваются сами собою, то гораздо труднее и сложнее задача — наметить методы борьбы за их осуществление, тактику социалдемократии в тесном смысле этого слова. Ибо — надо еще раз напомнить об этом — теперь речь идет уже не только о пропаганде определенного круга идей, но о переходе к практической политической работе за победу этих идей в той борьбе различных тенденций, исход которой окончательно и на долгие годы определит социально-политические итоги революции. А в практическом осуществлении значение лозунга определяется не его абстрактным, теоретическим смыслом, а характером тех социальных сил, которые за ним стоят и делают его своим знаменем: лозунг Учредительного Собрания социалдемократии пришлось снять, когда сложившееся в ходе гражданской войны соотношение сил сделало этот, некогда ультра-революционный лозунг простым прикрытием для белогвардейской контр-революции.

Как уже было отмечено, за последнее десятилетие российская социалдемократия превращалась все больше в замкнутую в себе организацию, отрезанную от масс. Она продолжала конечно оказывать влияние на формирование политических идей и в Интернационале, и в самом Советском Союзе. Но влияние это было чисто пропагандистским. В качестве практически-политического фактора она все больше становилась «ничем». И основной вопрос ее тактики теперь, на излете большевистской революции, заключается в том, какими путями может она стать, если не «всем», то чем-то существенным в сфере практической политики. Или иначе, какими путями может она, не косвенным влиянием своих идей, просачивающихся в массы через каналы других, активных партий и организаций, а сама, непосредственно снова начать мобилизацию и организацию масс — прежде всего того рабочего класса, партией которого она хочет быть, — вокруг своих идей и лозунгов? Как может она протянуть нити к тем социальным элементам советской общности, которые могут придать этим идеям и лозунгам действительную силу, и таким образом стать активным участником борьбы за подведение итогов революции? Именно с этой точки зрения, с точки зрения поисков путей самовозрождения, должна социалдемократия, прежде всего, подойти к новой конституции, которой суждено, повидимому, стать той формальной государственной оболочкой, внутри которой будет развертываться эта борьба.

В свое время Троцкий характеризовал октябрьский манифест 1905 года словами: «дано все — и ничего не дано». Это и тогда была хлесткая, но политически неумная и фальшивая фраза. Ибо это «ничего» вскоре стало для нашей партии, — а после краткого и пла-

ляется отступничеством от позиций мировой революции, диктатуры пролетариата, социальной привилегированности рабочих. Старое обвинение в термидорианском перерождении стало снова выдвигаться против диктатора. Он парировал это обвинение в термидорианстве встречным обвинением троцкистско-зиновьевской оппозиции в фашизме.

Но такие акты, как кровавая расправа со старой гвардией большевизма, олицетворявшей ее революционное прошлое, как с бандой перебежчиков к фашизму, имеют свою логику. Исторический большевизм расстрелен у лубянской стены — рукою Сталина. За этой кровавой гранью начинается неизбежно убыстренный откат от «октября». Расправившись с партийным большевизмом, Сталин окажется окончательно в плену у «беспартийных большевиков», у нового правящего сословия знатных людей, у всех «использователей революции», стремящихся закрепить свое господствующее положение в формально «бесклассовом» обществе и в рамках плебисцитарной диктатуры. Если он вздумает упираться, его «уберут» свои. Но по всем признакам Сталин собирается упираться для вида ровно столько, сколько требуется, чтобы усыпить достаточно атрофированную революционную бдительность класса, вынесшего большевиков к власти.

Расстрел 16-ти метил как будто в принципиальных противников перехода к всенародной демократии, но на деле он убивает надежды, связывавшиеся с октроированием новой советской конституции. Вспоминается яркая каррикатура из эпохи 1905 года: на царском манифесте о свободах — кровавый отпечаток руки генерала Трепова. Новая советская конституция еще не утверждена съездом советов, но на нее лег уже грозным предостережением кровавый отпечаток самовластной

руки Сталина. Новая конституция могла бы открыть новую главу революции по линии ее восхождения. Увы, после московской бойни не открывается ли новая глава, заглавие которой: нисхождение революции и восхождение Сталина?

**

Но тем самым намечаются и роковые международные последствия расстрела 16-ти. Куда идет Сталин? Куда ведет он Россию? Этот вопрос не смеют ставить «свободные граждане социалистической страны». Но его ставят и на него отвечают в Европе. И вот, в то самое время, как расстреленные вожди ортодоксального коммунизма вместе с «еще живым» Троцким обвиняются в том, что они — «агенты международного фашизма», фашистская и правобуржуазная печать с нескрываемым удовлетворением и одобрением оценивает этот акт государственной мудрости Сталина, расправу с «застрельщиками мировой революции». Говорят, этот эффект входил в дипломатические расчеты Сталина, стремящегося окончательно рассеять подозрительность и недоверие своих контрагентов на арене мировой политики. Другой вопрос, точно ли фашистская и реакционная пресса верит в окончательную консолидацию советского режима в результате «обуздания одержимых» (выражение итальянского оффициоза) и «вступления Сталина на путь Термидора». Во всяком случае, в не-фашистских кругах Западной Европы скорее склонны видеть в московских событиях неожиданное и досадное доказательство неустойчивости режима, вынужденного цементировать свой расползающийся фундамент смесью крови и грязи.

Но совершенно сокрушительными могут стать последствия московских событий для международного

ческого опыта бойкота и для большевиков, — основным рычагом той работы, которая подготовила революцию 1917 года. Еще опаснее было бы принимать эту фразу всерьез и делать ее основой своего политического поведения теперь, перед лицом «сталинской» конституции.

Мы никому не уступим в решительной критике пороков и нестерпимого двоедущия этой конституции. И мы меньше, чем кто либо, сомневаемся в том, что Сталин сделает все, решительно все, чтобы превратить ее в «ничто», в простой фиговый листок, демагогически прикрывающий наготу его единодержавия: не остановился-же он для этой цели перед расстрелом виднейших старых большевиков! Но весь вопрос заключается в том, удастся ли Сталину в 1936 году то, что не удалось Николаю 2-му в 1905. Сталин строит «веселую жизнь». Но, как мы пытались показать, не от «веселой жизни», а в силу ряда исторических необходимостей «полетел» он в объятия конституции, вынужден был придать своей единоличной диктатуре внешние формы «самой совершенной демократии». И решение поставленного выше вопроса зависит целиком от того, сумеют ли и окажутся ли способными те социальные силы советского общества, которые олицетворяют тенденции социализма и демократии, овладеть теми опорными пунктами (всеобщность и тайна выборов на всех ступенях государственного и местного самоуправления, неприкосновенность депутатов, и т. д., и т. д.), которые, как это и не может быть иначе в «демократической» конституции, формально «даны», чтобы превратить их в реальный и весьма действительный рычаг подлинной демократизации режима, т. е. подлинной демократической ликвидации Сталинского единодержавия. Как бы пессимистически ни оценивать открывающиеся возможности использования лже-кон-

ституции для борьбы за конституцию подлинную, пессимизм не может быть политической директивой». Поэтому сама действительность ставит перед нашей партией в ее поисках путей к возрождению, к восстановлению своего массового базиса, как первоочередную задачу — всестороннее содействие социалистическим и демократическим силам советского общества, в первую голову — пролетарским силам, в этой борьбе за конституцию, первым огульным актом которой со стороны Сталинского единодержавия и была, собственно, московская бойня.

**

Мы отдаем себе вполне ясный отчет, насколько выполнение этой задачи неизмеримо труднее теперь, чем оно было в 1905 и последующих годах. Труднее не только в силу бесконечно большей политической и полицейской «тоталитарности» Сталинского единодержавия, не только в силу бесконечно большей слабости нашей собственной партии и отрезанности ее от рабочих масс, но больше всего и прежде всего — в силу состояния самих этих рабочих масс, как и вообще трудящихся масс Советского Союза.

С начала революции состав рабочих колоссально возрос количественно, но и качественно чуть не на 9/10 обновился — притоком выходцев из крестьянства и городского мещанства, с одной стороны, молодежи, с другой. Крестьянско-мещанский поток приносит с собою на фабрики и заводы весь груз традиционных настроений и навыков своего традиционного мышления. Для молодежи, для людей возраста примерно до 30-35 лет, все до-революционное движение, все до-революционное развитие социалистической мысли, все до-революционные партии, группы и имена — в лучшем случае смутное воспоминание о каком-то потонувшем мире, отражающееся к тому-же в кривом зер-

рабочего движения. Пусть Троцкий и троцкисты представляют собою революционно - утопические сектантские группы, часто путающиеся в ногах у больших пролетарских партий. Но ни у кого из рабочих Запада, не омеряченных окончательно коммунистической агитацией, нет ни малейшего сомнения в том, по какую сторону баррикады находятся троцкисты: для этого достаточно взглянуть на Испанию. И пусть имя Зиновьева запомнилось, как имя преступного раскальвателя мирового рабочего движения. Но кто-же поверит в превращение автора гибельного тезиса о «социал-фашизме» в откровенного фашиста, в агента Гестапо, в союзника Гитлера?

Никогда еще единство действий пролетарских организаций в борьбе с высоко взметнувшейся волной фашизма не было так необходимо, как сейчас. Опасность новой европейской войны еще усиливает эту потребность в координации пролетарских сил. Расстрел 16-ти приводит и тут кровавую грань. Он заставит многих призадуматься. Как возможен единый фронт, а тем более объединение социалистов с коммунистами, если в стране господствующего коммунизма оказалось невозможным сожительство в одной партии коммунистов различных оттенков, если разногласия внутри пролетариата разрешаются ложью и кровью? И что надо думать о приверженности коммунистов Запада к идеям свободы и демократии? И тут, в области политики единого фронта, кровавая грань грозит превратиться в непроходимую пропасть.

Прав Отто Бауэр, констатирующий, что московские события «больше, чем ошибка, больше, чем преступление; это — ужаснейшее несчастье для всего мирового социализма без различия партий и течений». Ибо эти события, по его-же справедливому замечанию, под-

кале обязательной казенной историографии. И до тех, и до других, до всего рабочего класса картина современного мира, современного международного рабочего движения, идейных борений социализма в самом Советском Союзе доходит лишь сквозь призму монотонных — даже не «большевистских», а Сталинских! — школы, печати, речей, грубо и нарочито злобно искажающую действительность. Им надо пройти долгий и тяжелый путь, чтобы доработаться до тех элементов классовой социалистической идеологии, до которых, в итоге десятилетий героической борьбы русского социализма, доработались передовые слои пролетариата до-революционной России. Но после свыше чем двух десятилетий войн, империалистических и гражданских, полных непрерывной тревоги и непрерывного нервного напряжения, неслыханного голода и холода, самое на-строение масс, выходящих из полосы предельной нищеты и предельных страданий и замороженных маячащей перед ними перспективой «зажиточной и веселой жизни», делает их мало восприимчивыми ко всякой «идеологии»: «печной горшок» сытости и душевного покоя, естественно, становится для них на данном отрезке времени дороже любого идеологического «Апполона Бельведерского», вопросы заработка, хлеба, одежды, быта вытесняют из их изголодавшегося сознания вопросы социальных и политических систем. И лишь с величайшим трудом те социалистические и демократические тенденции, которые навязываются инстинкту трудящихся масс всеми объективными условиями их бытия в завершительный период революции, оформляются в прочное достояние их субъективного сознания.

При таких условиях — пользуемся выражениями Ленина — лишь «медленная и терпеливая» работа может привести социалдемократию к поставленной ею цели.

нимают ряд проблем морального порядка. На крови и грязи не построить справедливого социального строя. Этими методами только дискредитируется социализм и облегчается мобилизация фашизма против «марксизма» в мировом масштабе.

Преодоление сталинизма, возможное только под давлением трудящихся масс, становится повелительной необходимостью не только для спасения русской революции, но и в интересах международного рабочего движения, вступающего в смертельную схватку с фашизмом под знаменем мира, демократии и социализма.

П. Гарви.

Заметки

Советское правительство потребовало от правительства Норвегии высылки Троцкого. Норвежское ответило категорическим отказом, заявив о своем твердом намерении соблюдать право убежища и выразив удивление по поводу самого обращения советского правительства.

Можно было бы сказать: все хорошо, что хорошо кончается, если бы одновременно норвежское правительство не поставило условий, на деле аннулирующих право убежища, признаваемое на словах. Если политический беженец, эмигрант или изгнанник должен взять на себя перед приютившей его страной обязательство не высказываться публично по текущим политическим вопросам, а ограничиться трудами теоретического или исторического характера, то право убежища превращается в насмешку. До войны это ни у кого не вызывало сомнений, и меньше всего у боль-

И, чем труднее эта работа, тем «медленнее и терпеливее» придется нашей партии использовать те «зацепки», которые дает этой работе новая конституция, но тем драгоценнее становятся эти «зацепки», — вносящие первые практически - политические и, еще больше, идеологические трещины в гранитную систему небывало - «тоталитарной» диктатуры, — для завязывания наново интимных связей социалдемократии с трудящимися массами. Везде, где выборы — будь-то выборы в фабзавком, в местный Совет или в центральный советский «парламент» — самым ходом вещей толкают массы к волеизъявлению, к оформлению своих желаний и требований, к группировке интересов; везде, где сама жизнь подводит массы к попыткам использовать формально «данные» конституцией права для их действительного осуществления: — везде социалдемократы должны стараться быть на посту, чтобы пытаться обобщить, оформить, организовать и целесообразно направить пробуждающуюся энергию масс.

Повторяем: эта «медленная и терпеливая» работа будет бесконечно трудна. Полицейским условиям пока не может быть и речи о выступлении социалдемократов под своим партийным знаменем. По организационному состоянию нашей партии не может пока быть и речи о централизованном руководстве этой работой. Каждому придется действовать на свой страх и риск и проявлять максимум самостоятельной активности и инициативы, и лишь та несокрушимая идейная связь, которую, как уже было отмечено, и в вынужденном распылении удалось сохранить нашей партии, будет служить порукой тому, что работа сотен или тысяч изолированных друг от друга одиночек будет на деле все больше сливаться в органически - целостную работу социалдемократии.

Но, помимо полицейских и организационных трудно-

шевиков, которые, как известно, в Женеве, Париже, Лондоне, Вене не «чистой теорией» занимались! До войны страна, представлявшая политическим эмигрантам право убежища, требовала от них только одного: соблюдения законов этой страны. Но после войны все самые элементарные понятия как будто перепутались...

Троцкий, разумеется отказался выполнить предъявленное ему требование. И тогда норвежское правительство выслало двух его секретарей, а его самого с женой «интернировало», т. е. посадило под домашний арест и подвергло контролю его переписку, его общение с посетителями, его телефонные разговоры. «Убежище» превратилось в тюремное заключение.

Приходится с негодованием и возмущением констатировать, что инициатива этого надругательства над правом убежища исходит от коммунистического правительства Москвы, а первое практическое применение постыдных мер от норвежского правительства рабочей партии, которая доньше считала себя слишком «левой», чтобы занять место в рядах Социалистического Интернационала. Но — лиха беда начало! И мы уже присутствуем при гнусном зрелище парижской коммунистической «Юманитэ», требующей высылки из Франции только что высланных из Норвегии секретарей Троцкого, и пражской коммунистической «Роте Фане», настаивающей на высылке из Чехословакии германского эмигранта Пфемферта, как «закадычного друга Троцкого»! Что этим «коммунистам» до того, что такими дикими требованиями они подвергают величайшей опасности своих германских, австрийских, итальянских, испанских, югославских и т. д. товарищей по Коминтерну, к которым буржуазия тех стран, где они нашли временный приют, охотно применит то истолкование «права убежища», которое, с легкой руки Моск-

вы, дают французские и чехословацкие коммунисты? Сталин приказал травить Троцкого и троцкистов, и поэтому — ату его!

Мы думаем, что именно Социалистический Интернационал должен решительно протестовать не только против этой дикой московской травли, но и против образа действий норвежского правительства. Не ради личности Троцкого: все «прецеденты» его деятельности не дают возможности сомневаться в том, что, очутившись на месте Сталина, он по отношению к своим политическим противникам, сам действовал-бы «по сталински». Но РСИ должен протестовать потому, что право убежища в его подлинном, а не карикатурном виде есть для него не только принцип, но еще и принцип, без соблюдения которого всякая борьба с фашизмом станет невозможна. Ибо своим-то сородичам из других стран фашизм всегда сумеет предоставить не только «убежище», но и вооружение (вспомним пресловутый «лагерь усташей» в Венгрии!), как умеет он, например, и сейчас, вопреки всяким обязательствам «невмешательства», вооружать фашистских бандитов Испании...

**

Телеграмма РСИ и МФПС с требованием «судебных гарантий» для жертв «троцкистско-зиновьевского» процесса вызвала, как известно, в советской печати поток грубой брани по адресу ее авторов и социалистических партий вообще. В № от 31 августа «Правда» ставит «Попюлер» на вид, что, когда 13 февраля «королевские молодчики» произвели в Париже покушение на Блюма, то в СССР «не нашлось людей», которые «послали бы в Париж телеграмму, требую-

стей, эта «медленная и терпеливая» работа неизбежно натолкнется еще на одну, чреватую самыми большими опасностями трудность — трудность политическую. Как уже было указано, пробуждающаяся энергия рабочих масс неизбежно направится прежде всего в сторону вопросов экономического, можно сказать — примитивно - экономического порядка, будет стимулироваться прежде всего конфликтами и антагонизмами, возникающими непосредственно в процессе производства, не выходящим за пределы фабрики и завода. И, само собою разумеется, что не может быть социалдемократа, который не считал бы своим кровным долгом помочь рабочей массе в ее борьбе за улучшение условий труда, за повышение заработной платы, за подъем жизненного уровня массы, уменьшающий то неравенство, усиление которого составляет одно из существенных орудий коррупционной политики Сталинской диктатуры. Но социалдемократы не могут и ни в коем случае не должны забывать, что вырванные из общего социально - политического контекста вопросы «печного горшка» легко превращаются не только в орудие изоляции рабочего класса от других слоев трудящихся, прежде всего — крестьянства, но и в орудие разложения, цехового и группового разделения самого рабочего класса. Они легко превращаются поэтому в источник политического ослабления и политической пассивности трудящихся и, в частности, самих рабочих масс, создают тот базис массовой политической «безучастности», на котором до сих пор всегда и воздвигалась надстройка контр-революции.

Но, чем труднее задача предотвращения бонапартистского и реставрационно - капиталистического финала советской революции, тем больше требует она пробуждения величайшей политической активности рабочего класса и закрепления того «Народ-

ного Фронта», который делает мелкобуржуазные трудящиеся массы, в первую голову — крестьянство, не врагами, а союзниками рабочих, который и в Советском Союзе, как и во всем мире, служит единственным действительным орудием против всех разновидностей фашизма. Было бы поэтому поистине роковым, если бы, защищая со всей энергией и страстью материальные интересы широчайших рабочих масс, социалдемократия ударились в плоский «экономизм» и «чисто рабочую» политику и не сумела разрешить задачу (не скрываем: весьма трудную задачу!) все большего внедрения в сознание рабочих масс понимания неразрывной связи проблем и самой элементарной экономической борьбы с великими проблемами нашей эпохи, с большими вопросами социалистической политики в Советском Союзе и, прежде всего, с вопросом о раскрепощении рабочих организаций.

Но чем более велики идеологические, политические, организационные и полицейские трудности, стоящие поперек пути работе социалдемократии, тем более первостепенное значение приобретает для этой работы тот широкий слой «выдвиженцев» из среды самой трудящейся массы, о котором мы уже говорили и который все больше сосредоточивает в себе все, что есть наиболее инициативного, активного, энергичного и интеллигентного в этой среде. Конечно, активность и энергия и этого слоя пока сосредоточивается почти целиком на вопросах материального и бытового благополучия; конечно, политика Сталинской диктатуры всячески способствует отвлечению мысли этого слоя именно в эту сторону; и конечно, все материальные и бытовые условия существования этого слоя сильно отлучают его от той массы, из которой он выходит, та- вят в себе опасность его разрыва с ними. Но

щую «специальных гарантий» для напавших на Блюма агентов фашистской организации).

«Правда», конечно, считает излишним осведомить своих читателей, что никаких «специальных гарантий» этим агентам и не нужно было, потому что и до процесса, и во время его, и после него агенты эти имели к своим услугам «свою» свободную печать, всячески защищавшую их, свободные собрания, на которых выступали их единомышленники, и все те «гарантии», которые французский суд предоставляет всем обвиняемым. На суде фигурировали всевозможные вещественные доказательства вплоть до фильмовой с'емки. были проверены по минутам все показания подсудимых и свидетелей о ходе события и т. д. И в результате, один подсудимый, за отсутствием неопровержимого доказательства его вины, был оправдан, а четверо приговорены к 2-4 месяцам тюрьмы. Несколько месяцев тюрьмы для 4 человек за состоявшееся покушение на Блюма; 16 расстрелов за несостоявшееся покушение на Сталина, а в самом худшем случае — если верить обвинительному акту и «признаниям» подсудимых, — за, выражаясь Щедринским слогом, помышление о подготовке к покушению... Как тут в самом деле не подивиться, что в Советском Союзе «не нашлось людей», чтобы требовать «судебных гарантий» — в Париже!

Но — убийство Кирова? Быть может, не бесполезно привести то сопоставление, которое делает по этому поводу Нью-Йоркский «Нью Лидер». В 1881 году был убит царь Александр 2-й: 5 человек повешено. В 1934 году был убит Киров: 167 человек расстрелено, тысячи арестованных и высланных не в счет. Без комментариев!

это пока именно лишь — опасность. И делать из нее вывод, что этот слой целиком уже пропал для классового рабочего движения, значит в советских условиях совершать еще бесконечно более тяжкую ошибку, чем совершают ее в условиях капиталистических стран те коммунистические сектанты, которые думают, что для «освобождения рабочего класса» надо, прежде всего, мобилизовать мозолистый кулак низовых рабочих масс против их же собственной интеллигенции в лице квалифицированных рабочих, которые однако-же везде и всюду, несмотря на свое «привилегированное» положение, были и остаются застрельщиками рабочего социализма. Если во всем, что выдвигается трудящимися массами современного Советского Союза молодого, энергичного, инициативного, не найдется элементов, способных стать организаторами своего класса в борьбе за социалистическую демократию, то какие-же шансы имеет эта демократия на победу? Нет, пока социалдемократия не утратила веры в возможность этой победы, она должна искать путей к этим передовикам рабочего класса, самым положением своим более поставленным лицом к лицу с проблемами государственного порядка, чем рабочие низы, и пытаться их сделать проводниками своей политики в рабочие массы. И искать этих путей она опять таки не может иначе, как в рамках и на почве той новой конституции, которая станет повидимому, государственной оболочкой той социальной борьбы за итоги революции, которая и в «бесклассовом» перед лицом тотальной диктатуры советском обществе не умирает и умереть не может.

***

Таковы общие очертания той работы, фундаментом которой социалдемократия должна сделать конституцию. Повторяем еще раз: работа эта бесконечно труд-

Троцкистские заговорщики проникли, повидимому, во все поры советского аппарата, и, под покровительством высоких сановников, точат ножи для покушений на любимейших вождей. В № от 26 августа «Правда» сообщает:

«В качестве своего личного секретаря Тардый (зав. издательством «Соцэкгиз») привлек Виноградову, работавшую секретарем при бывшем главном редакторе Соцэкгиза Жирове. А Жиров и есть субъект, который явился к Томскому и передал ему привет от активного участника бывшей правой оппозиции Слепкова».

Подумайте только: бывшая секретарша бывшего редактора, передавшего бывшему члену Политбюро привет от бывшего оппозиционера! И такую заведомую террористку принимают на службу, а, разоблачив, просто выгоняют, лишают хлеба, вместо того, чтобы расстрелять на месте!! И это — не «гнилой либерализм»? И для таких-то «агентов Гестапо» РСИ требует «судебных гарантий»? Позор!

***

Французское правительство Народного Фронта приняло, как известно, политику «невмешательства» в испанские дела. Можно скептически относиться к вероятным результатам такой политики, и мы и оцениваем их скептически. Но в поистине потрясающей речи, произнесенной на народном собрании в «Луна-Парке», Блюм объяснил причины, заставившие его, скрепя сердце, остановиться именно на этой политике. Смысл его объяснений был таков, что политика активного содействия вооружению испанского правительства, в данной международной ситуации, изолировала бы Францию, создала бы — благодаря большому

на. Она стала еще труднее после того гигантского шага к бонапартизации, который только что сделала Сталинская диктатура. Но она исторически еще возможна и потому необходима. Других путей к предотвращению контр - революционного финала завершительного периода большевистской революции в советских условиях нет. И потому социалдемократия должна идти этим путем, на нем искать своего возрождения. Он ей диктуется всей набросанной выше историей ее собственного развития в большевистскую эпоху. И если бы даже оказалось, что те бонапартистские тенденции, с которыми она борется во имя социалистической демократии, одержат решительную победу, радикально меняя все условия и задачи рабочего движения в Советском Союзе и окончательно порывая организационную преемственность развития не только социалдемократии, но и всех других партий, в том числе в первую голову — коммунистической, то и в этом, наихудшем случае только этот путь, только верность социалдемократии своему прошлому до конца поможет ее идеям стать тем стержнем, вокруг которого в будущем будут наново собираться и организовываться рабочие массы.

Но, конечно, чтобы «медленно и терпеливо», но с железным напряжением воли выполнять эту, бесконечно трудную и столь «малую» по своему облику работу, необходим огромный энтузиазм. И этот энтузиазм наша партия может черпать лишь в неумирающем и завещанном ей всей прошлой историей ее сознании теснейшей связи этой «малой» работы с теми гигантскими мировыми проблемами нашей эпохи, от решения которых на десятилетия, если не на века, будет зависеть судьба человечества.

Ф. Дан.

промышленному и военному «потенциалу» стран, вооружающих испанских повстанцев, — еще более неблагоприятные условия для самого испанского Народного Фронта и неминуемо привела бы к европейской войне в самой неблагоприятной для Франции обстановке.

Французские коммунисты решительно несогласны с этой аргументацией Блюма. Они всячески агитировали за одночасовую забастовку протеста на металлургических заводах Парижа, а в «Юманитэ» от 8 сентября секретарь французской компартии Торэз горячо толкует французским рабочим ту мысль, что не политика снабжения испанского правительства оружием, а, наоборот, политика не-снабжения неминуемо ведет к войне, и что, только вооружив испанский Народный фронт и обеспечив таким образом его победу, только показав фашистам, что их угроз не боятся, можно спасти мир.

Ну, а «испанская» политика Советского Союза, спрашивают убежденные доводами Торэза рабочие?

Да как же вы не понимаете, товарищи, отвечает им в том же номере и на той же странице «Юманитэ» Вайян-Кутюрье, что, вооружая испанское правительство, СССР изолировал бы себя к великой радости Гитлера и тем неминуемо накликать бы войну в самых неблагоприятных для СССР условиях? Как же не понимаете вы, что «надо иметь душу троцкистского провокатора», чтобы вызывать такую катастрофу?

Как говорит немецкая поговорка: пойми мужик, когда двое делают одно и то же, это не одно и то же!

На недоумения тех же рабочих по поводу того, что СССР оказался единственной не-фашистской страной, выполнившей требование Муссолини и Гитлера о запрещении публичных манифестаций в пользу испанского правительства, один из Торэзов или Вайянов ответит, вероятно, в другой раз...

И. Греков.

Кто рукоплещет?

Демократическая печать Европы с интересом отметила, что «растрел 16-ти» встретил полное одобрение реакционной печати, в том числе фашистской печати Италии.

Но уже прямую, бурную радость доставил Сталин реакционной печати русской эмиграции.

«Голос России» (1 сентября), орган монархиста Солоневича, откровенно пишет: «Из миллионов большевистских казней — это, пожалуй, первая, которую мы встречаем с удовлетворением.. Великий симптом совершающихся и надвигающихся в России событий заключается в том, что ни тюрьма, ни высылка Сталину теперь недостаточны, ему приходится дорезывать. На

Зиновьеве и сотоварищах его эта резня не остановится, как она не остановилась на Дантоне. Пожелаем участникам ее всяческого успеха, обеим сторонам!»

Еще более неудержимый восторг охватил белогвардейское «Возрождение». На страницах этой газеты (29 августа) появилась ода Горянского, восхваляющая Сталина «за щедрый подарок».

Приносим читателям извинение за цитирование шипящих и кровожадных строк, но глубинные переживания и затаенные мечты реакционеров всего лучше передает именно точная цитата:

«Спасибо Сталину:
Шестнадцать подлоцов
Отправилось в страну отцов,
Шестнадцать палачей
Родного края...
...Тебе от нас привет.
Небесный свод сегодня синь и ярок.
Ты нас вознаградил
За скорби многих лет.
Хвала тебе за щедрый твой подарок!
Хвала!»

Но черносотенцы еще не удовлетворены, они ждут от Сталина новых радостей, новых казней.

«Что там — шестнадцать!
Еще дай сорок,
И сотни дай,
И тысячи давай,
Мост намости без тесу и без свай
Через Москва-реку
Из падали советской...»

Последняя строка сего «поэтического» произведения: «Подохни сам!»

Зрелище христиан по паспорту, восторженно рукоплещущих палачу у свежей могилы замученных морально, а затем расстрелянных жертв — омерзительно

Но не это для нас существенно.

То, что монархисты и реакционеры всех видов и мастей зверино ненавидят коммунистов и социалистов всех течений и всех оттенков — это естественно.

То, что они мечтают о мести, о морях крови и о «Казбеке из тел» — это тоже не ново.

Но новая и характерная черта последних казней в том, что они, вызвав открытый протест или затаенный ужас всех тех, кому русская революция дорога, пробудили восторженный отклик в сердце злейших врагов рабочего класса.

Третий радующийся: русская и международная реакция, — грозное предостережение тем, кто несет ответственность за безумие террора, направленного против былых вождей большевизма.

А. Ю.

Международные отклики на московский процесс

Вся международная социалистическая печать много внимания уделяла и продолжает уделять московской бойне. Особенно много статей, заметок и пр. посвящено ей в скандинавской прессе (Дания, Норвегия, Швеция), причем шведский «Социалдемократ» напечатал и интервью своего парижского корреспондента с гг. Абрамовичем и Даном.

В Международном Бюллетене, издаваемом секретариатом РСИ, была помещена обошедшая множество социалистических газет статья **Отто Бауэра**. Бауэр отмечает тот громадный моральный урон, который нанесло советское правительство этим процессом всем сторонникам «единого» и «народного» фронтов, поколебав в них веру в демократическую эволюцию большевизма и советского режима, и ту поддержку,

которую оно, втапывая в грязь ближайших сотрудников Ленина, оказывает фашизму, и утверждающему как раз, что «большевизм» и все социалистическое рабочее движение вообще являются «делом рук шайки преступников». Свою статью Бауэр заканчивает так:

«Я убежден и остаюсь при том убеждении, что от успеха предпринятого с такими громадными результатами строительства социалистического хозяйства в Советском Союзе зависит будущее социализма во всем мире. Я убежден и остаюсь при убеждении, что пролетариат всего мира должен поэтому сплотиться вокруг Советского Союза, что он должен сделать все, что может, для защиты его от всякого нападения, что, защищая его и борясь против его врагов,

он должен сомкнуться в единый фронт. Я думаю, что, благодаря, прежде всего, нашим французским и испанским товарищам, мировой пролетариат значительно приблизился к пониманию этой необходимости. Но именно поэтому я с ужасом наблюдаю, как далеко отбрасывает нас снова назад этот злосчастный процесс и эти расстрелы. То, что произошло в Москве — больше, чем ошибка, и больше, чем преступление: это — ужаснейшее несчастье для всего мирового ступление: это — ужаснейшее несчастье для всего мирового

Французский «Попюлер» вначале отнесся к процессу с величайшей сдержанностью, ограничиваясь (как впрочем и язвительно смущенная коммунистическая «Юманитэ», в течение нескольких дней дававшая лишь официальные телеграммы, не сопровождаемая их никакими комментариями) печатанием самых кратких телеграфных сообщений: было очевидно нежелание углублять ту трещину, которая как раз к этому времени наметилась в социалистическо-коммунистическом «едином фронте», а, главное, нежелание дать коммунистам возможность отвлечь внимание рабочих в сторону от тех действительных разногласий в вопросах внутренней и внешней политики, которые вызвали эту трещину. Но грубейшие нападки советской печати на известную телеграмму РСИ и МФПС и на комментировавшую эту телеграмму статью Де-Брукера, нападки на все социалистические партии, в том числе и на французскую, сейчас же перекочевали и в «Юманитэ», не дали возможности сохранить эту сдержанную позицию, и, помимо полемики по вопросу о телеграмме Интернационала, «Попюлер» дал упомянутую уже выше статью Бауэра и статью Мориса Паза, посвященную уже оценке процесса по существу, а также статью Брака с ответом Димитрову. Статья т. Паза приходит к следующему заключению:

«Мертвый Зиновьев делает то, для чего Зиновьев живой имел ни охоты, ни мужества: этот процесс, эти поспешные казни ставят вопрос о демократическом режиме в России, вопрос о рабочей демократии, который снять с очереди уже не удастся. Новая конституция будет ничем, если не утвердит то, что, в конце концов, является высшей целью социализма: уважение к человеку и его жизни.

Брюссельский «Пэпл», все время отводивший процессу много места, пишет после расстрела:

«Уже сейчас можно сказать, что этим актом варварства советское правительство оказало весьма плохую услугу делу Советского Союза. В силу складывающейся международной ситуации широкие слои социалистического и демократического рабочего класса всего мира все более становились склонны за последние годы видеть в Советском Союзе могучего союзника в международной борьбе против фашизма и войны. Признаки серьезной эволюции самого советского режима к демократии и свободе не мало содействовали преодолению сомнений и колебаний. Но только что совершенный московским правительством акт непостижимого террора, несомненно, снова внесет смуту и в самые расположенные к нему умы. Доверчивое и столь необходимое ныне международное сотрудничество с ним будет затруднено и, может быть, станет невозможным».

«Дэйли Геральд», орган английской Рабочей Партии:

«Не остается сомнений, что СССР эволюционирует не от диктатуры к демократии, а от одной диктатуры к другой, не являющейся ни диктатурой пролетариата, ни даже диктатурой коммунизма. Факт такой политической эволюции Советского Союза вынужден с глубоким разочарованием констатировать самые горячие сторонники нынешнего режима. Надо сказать откровенно: много надежд разбито!»

«Роботнику», орган Польской Социалистической Партии, констатирует, что

«процесс и расстрелы углубляют пропасть между рабочим классом Запада и большевистским правительством», и приходит к выводу, что

«не может быть и речи о каких-либо переговорах об едином фронте, пока этот фронт не начнет осуществляться в самом Советском Союзе, пока там не будут возвращены свобода и гражданские права социалистам и оппозиционным группам в самой большевистской партии».

В Варшавской «Фолксдайтунг» органе Польского Бунда помещена горячо написанная статья, подписанная Г. Э. и заканчивающаяся следующими словами:

«Нельзя представить себе честного, подлинно революционного, т. е. внутренне свободного и гордого социалиста, который не воспринял бы весть о казнях в Московском процессе троцкистов с чувством глубочайшего ужаса и потрясения, с чувством пламенного протеста. Чем больше чувство признания и преклонения перед величием социалистического строительства в Советском Союзе, чем глубже любовь и преданность к революции, тем глубже потрясение, тем пламеннее и оправданнее протест».

данность к революции, тем глубже потрясение, тем пламеннее и оправданнее протест».

С особой тщательностью следил за процессом орган немецкой партии в Чехословакии, пражский «Социалдемократ», посвящавший ему и обширную хронику, и ряд статей и заметки из (неизвестного нам) «хорошо освещенного источника», освещавшие связь процесса с общей эволюцией советского режима и внутренней и внешней политики Сталина. Отметив, что процесс является лишь одной из фаз предпринятой Сталиным фактической «ликвидации компартии Советского Союза», автор заметок приходит к такому выводу:

«Процесс направлен не против Троцкого и Зиновьева и их мнимых последователей с их фантастическими планами покушений, а против последних революционных пережитков внутри самой большевистской партии. Весьма вероятно, что в Кремле готовится какой-то важный акт. Может быть, новый поворот во внутренней политике, может быть, во внешней. Когда Сталин начинает кричать против контр-революции, можно быть почти уверенным, что готовится новая ревизия революции. Возможно, что тяжелое международное положение советского правительства толкает его к новым уступкам буржуазии. Б. м., этим процессом имелось в виду вовсе не обличить контр-революционную работу Троцкого, а установить тот факт, что между неистовым революционером Троцким и национально и государственно мыслящим диктатором Сталиным нет ничего общего. Ведь как раз в последнее время правая печать во Франции и в других странах именно Троцкого обвиняла во вмешательстве в испанские дела».

С международно-пролетарской точки зрения «Социалдемократ», в одной из своих передовых, оценивает процесс так:

«Для европейского социализма и демократии процесс представляет, к сожалению, серьезную опасность. У нас нет никаких причин относиться к Зиновьеву с симпатией. Большинство из нас считает сталинскую «генеральную линию» более правильной, чем концепция Зиновьева или Троцкого. Но такого рода юстиция мешает нашей борьбе против фашизма. Она создает параллель к процессу о поджоге рейхстага и у многих усилит впечатление, что Москва поступает так же, как Берлин. Интересы нашей борьбы против фашистского насильнического господства и его методов, интересы оберегания чести европейской демократии и европейского социалистического движения требуют отгораживания от сталинских методов и сохранения нашего знамени незапятнанным терпимостью, которая лишила бы нас всякого доверия и свидетельствовала бы о внутренней дряблости».

«Нуово Аванти», парижская газета итальянской социалистической эмиграции, считает, что

«московские казни — ошибка и преступление. 16 московских трупов брошены поперек дороги к международному единству. Хотим мы того или нет, но часть международного пролетариата склоняется к троцкистским идеям; но другая часть, гораздо большая, весьма далекая от этих идей, думает все-же, что бороться с ними пулями нельзя. В конце концов, международный пролетариат думает, что социализм обязан перед самим собою иметь лучшее правосудие; а назвать лучшим правосудие режима, который, после двадцатилетнего пребывания у власти, считает еще возможным прибегать к казням, нельзя. И, наконец, товарищи - коммунисты должны отдать себе отчет, какое громадное впечатление вызвал московский приговор и в их собственных рядах: трудно все-таки понять, как можно одновременно протягивать руку «фашистскому брату» и расстреливать коммунистического оппозиционера».

«Форвертс», орган пражского Партейфорштанда германской социалдемократии, единственная, сколько нам известно, из социалистических газет придающая веру московскому приговору и полагающая, что подсудимые действительно

«хотели ответить и ответили террором побежденных, слабых и отчаявшихся на террор победителя, сильного, на террор владыки государства». Вывод, который делает отсюда «Форвертс», гласит:

«В том факте, что коммунисты борются с коммунистами методами террора и, особенно, в кровавом исходе этой борьбы лежит осуждение системы партийной деспотии и системы деспотии самой монополярной партии».

В заключение, выходя за рамки РСИ, приведем кое-какие отзывы коммунистов - оппозиционеров.

***

В органе французских революционных синдикалистов, «Революцион Пролетариенн», недавно выехавший из России Виктор Серж пишет:

«Троцкизм тут такой-же предлог, как антисемитизм в Гер-

мания. Дело идет о том, чтобы покончить с старыми большевиками и терроризировать партийный аппарат — для каких-то еще неясных целей, вероятно накануне какого-либо крупного поворота во внутренней или внешней политике: формального провозглашения единоличной власти, явной подготовки к войне, может быть, того и другого одновременно, может быть, чего либо иного. Чего-то неприглядного во всяком случае».

Редакция «Кэ фэр?» («Что делать?»), журнала, объединяющего разные оттенки коммунистической оппозиции во Франции, заявляет:

«По прежнему провозглашая долг международного пролетариата защищать СССР, если он подвергнется нападению империалистов, «Кэ Фэр?» отклоняет всякую солидарность с правительством Сталина, которое уничтожает всякую рабочую демократию в СССР и сводит на нет социалистические завоевания Великой Русской Революции и последний акт которого не только не имеет ничего общего с защитой революции, но является чудовищным покушением против рабочего класса Советского Союза».

Тов. Б. Суварин, которому пытались подкинуть содействие обвиняемым по московскому процессу, в виде снабжения их материальными средствами, констатирует в письме, разосланном им редакциям газет, что никаких сношений с Зиновьевым он не имел с 1924 г., а с Троцким с 1929 г. В то-же время он пишет:

«Всякий нормальный, честный и сколько-нибудь осведомленный в русских политических делах человек, к какому-бы лагерю он ни принадлежал, знает, что все утверждения обвиняемых-ли московского процесса, или обвинителей не заслуживают никакой веры. Да впрочем, источник их один и тот-же: ГПУ... Совершенно очевидно, что сколько-нибудь известные обвиняемые были неповинны в воображаемых преступлениях, которые они сами взваливали на себя под угрозой смерти или пыток и под влиянием обещаний сохранить им жизнь. Что-же касается неизвестных обвиняемых, то они не могли быть никем иным, как орудиями или жертвами Чека-ГПУ. Вопреки обязательствам, данным в тайниках «следствия», их иступленные «признания» не спасли их. Надо поэтому думать, что Сталин очень боится чего-то и имеет великую потребность терроризировать кого-то».

Мария Нильсен, одна из старейших датских коммунисток и основателей датской коммунистической партии, обратилась к Димитрову с письмом, в котором утверждает, что «нельзя поверить, будто старые марксисты, верные друзья Ленина, превратились в сторонников индивидуального террора». Она настаивает, чтобы, согласно требованию, выраженному в телеграмме РСИ и МФПС, «социалдемократам была предоставлена возможность проверить документы. Не хотим-же мы, чтобы можно было говорить с некоторым правом о «лейпцигском процессе» в Москве». Отметив, что датская коммунистическая пресса крайне односторонне осведомляла читателей о процессе и ссылаясь на раешение, данное ей еще в 1920 году Лениным, обращаться непосредственно в Коминтерн, Мария Нильсен заканчивает свое письмо:

«Я знаю, что не могу переслать тебе это письмо через партию, и потому посылаю тебе его лично и прямо с тем, чтобы потом осведомить партию. Хотя и был у нас 7-й мировой конгресс, но в нашей партии еще нет свободы дискуссии для тех, кто расходится во мнениях с руководством».

Можно с удовлетворением отметить этот крик: «не могу молчать!» старой датской коммунистки. Он выражает, конечно, то, что думают и чувствуют, но по моральной дряблости не смеют громко сказать многие из ее сотоварищей по Коминтерну.

ЗАГРАНИЦЕЙ

НА «НАРОДНОМ ФРОНТЕ» ФРАНЦИИ.

Французский «народный фронт» пережил своего рода «кризис», который мог привести к его взрыву и может еще оказаться роковым для него, если наступившее как раз в тот день, когда пишется эти строки «прояснение атмосферы» окажется непрочным.

Непосредственным источником кризиса оказалось самое слабое место «народного фронта» — его внешняя политика. Эта политика ориентируется на коллективную безопасность в рамках Лиги Наций, на взаимопомощь против агрессора и на всеобщее разоружение. Принципиально — это политика открытая «для всех». В реальности — она может быть ничем иным, как политикой создания блока самозащиты против тех сил военной агрессии, во главе которых стоит Гитлеровская Германия и среди которых все более видную роль начинает играть Италия, которые складываются следовательно в блок воинствующего фашизма. Несоответствие между принципом и реальностью уже само по себе вносит известные элементы иллюзии, а потому и слабости во внешнюю политику Народного Фронта.

Но и в тех реальных пределах, в которых может быть на деле осуществлена политика коллективной безопасности, для ее успеха требуется наличие соответствующего «коллектива». Но, не говоря уже о тяжелом наследии, полученном в этом отношении правительством Народного Фронта от его предшественников, во время итало - абиссинской войны сделавших все для развала Лиги Наций и компрометации самой идеи коллективной безопасности и взаимопомощи, — не говоря об этом тяжелом наследии, внешняя политика правительства Блюма необычайно затруднена тем, что в данный момент, по крайней мере, за ним отказываются следовать те факторы, без участия которых самый блок коллективной самозащиты оказывается уютной. Среди этих факторов на первом месте стоит Англия, — поскольку речь идет не о «принципе» коллективной безопасности и не о более или менее отдаленном будущем, а о задачах сегодняшнего дня, в частности — о задачах, поставленных в порядке дня испанскими событиями. Говорить о причинах, побудивших Англию, после ее поражения в итало - абиссинском вопросе, занять такую позицию, здесь не место. Достаточно отметить самый факт, как один из самых существенных моментов, подрывающих эффективность внешней политики правительства Народного Фронта.

Но не меньшим, а, может быть, еще большим фактором подрыва этой политики являются те социальные инстинкты и интересы, которые все больше объединяют господствующие классы поверх всех границ и все больше становятся одною из основных движущих сил их внешней политики. Итальянская фашистская газета «Полопо ди Рома», конечно, вполне права, когда говорит, что «часть Европы (она могла бы спокойно сказать: вся Европа, но делает исключение для фашистских стран!) все более начинает делиться не по национальным границам, а по социальным символам веры». И как раз испанские события, как сильнейший реактив, вскрыли это разделение по «символам веры», сделавшее окончательно невозможным практическое применение всемирно на словах признаваемого «принципа». Невозможным — не только в виду отказа буржуазии других стран, но и в виду внутреннего состояния самой Франции. Та-же фашистская газета опять таки совершенно права, когда говорит, что «красная Франция чувствует себя более близкой Испании Азанья и Кабальеро, чем французская буржуазия. Но доведенная до крайности, французская буржуазия, конечно, почувствовала бы себя ближе к Гитлеру, чем к своим внутренним врагам». Да, как намекнул в своей речи в Луна-Парке французский министр - президент, она и ее пресса и сейчас уже чувствуют себя «ближе к Гитлеру»...

Так создалось положение, при котором в «испанском» вопросе весьма реальной военной угрозе со стороны германского и итальянского фашизма правительство Народного Фронта могло бы реально противопоставить не силы не существующего «коллектива», а лишь изолированные силы самой Франции, подрываемые к тому-же изнутри: ибо, при отсутствии «коллектива» помощь всех, географически далеких «союзников» Франции — от малых государств Средней Европы и Балкан до Советского Союза — становилась весьма проблематичной, даже если бы политика самого СССР в испанском вопросе не вызвала некоторых сомнений своего подчеркнутую двусмысленностью. Так создались условия, в которых правительство Блюма увидело себя вынужденным — эту «вынужденность» Блюм опять таки нарочито подчеркнул в своей речи — отказаться от открытого выступления на стороне республиканского правительства Испании, к которо-

НОВАЯ КНИГА :

Otto Bauer

Zwischen zwei Weltkriegen ?

(Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus)

355 стр. Цена 20 франков

Заказы направлять в контору «Социалист. Вестника»

му его привязывают горячие симпатии, и искать «наименьшего зла» в интернационализации политики «невмешательства».

Здесь опять таки не место оценивать рациональность этой политики и ее шансы на успех. Ее приходится брать, как факт. Но нельзя не видеть, что факт этот очень больно бьет по «символу веры» всей той рабочей и демократической массы, которая составляет опору Народного Фронта. Проводить ее без риска для самого существования этого Фронта можно лишь в том случае, если все организованные составные части его готовы поддерживать и защищать ее не только в парламенте, но и за стенами его. Но этого не случилось. Коммунистическая партия выступила не только в роли выразителя и организатора тех протестующих настроений, которые вызвало в широких рабочих кругах отступление правительства Народного Фронта в испанском вопросе, но и в роли силы, направляющей этот протест непосредственно против правительства Блюма и тем самым взрывающей его и Народный Фронт. Кульминационным пунктом этой тактики коммунистов оказалась одно-часовая забастовка предприятий металлической промышленности Парижского района, в лозунгах которой были искусно смешаны социально-экономические требования с требованием открытой помощи испанскому правительству и которая вызвала множество заявлений протеста со стороны самих рабочих, участвовавших в ней лишь в силу дисциплины, но которая во всяком случае всеми врагами Народного Фронта была истолкована и использована, как политическая забастовка протеста против правительства Блюма: кризис Народного Фронта надвинулся вплотную...

Что означает эта тактика коммунистов? Она была бы внутренне оправдана, если бы ее можно было объяснить искренним убеждением коммунистов, что в испанском вопросе, в виду его значения для всей пролетарской борьбы против фашизма, следует идти на всякий риск, в том числе и на риск «изолированной» войны. Но такому преположению противоречило все их поведение.

Они упорно замалчивали тот факт, что и советское правительство не делало ни малейших попыток выступить в роли инициатора открытой помощи испанской республике, что оно немедленно и безоговорочно присоединилось к политике «невмешательства», более того — что оно в проведении этой политики пошло дальше, чем кто либо, оказавшись единственным правительством, запретившим — согласно требованию Муссолини и Гитлера — всякие публичные манифестации в пользу испанских республиканцев. Прияты к стене вопросам социалистов, они оправдывали политику советского правительства теми самыми аргументами военной опасности и «изоляции», силу которых в устах Блюма категорически отказывались признавать. То была политическая двусмысленность, вызвавшая серьезные сомнения в искренности коммунистической политики...

Но эти сомнения еще усиливались той кампанией за «Французский Фронт», которую коммунисты вели одновременно с кампанией за «помощь Испании». «Французский Фронт» — это не что иное (и сами коммунисты не раз открыто говорили об этом), как расширение Народного Фронта направо, вовлечение в него партий и групп умеренного консервативного либерализма, а, следовательно, и изменение состава правительства, которое, при таком перемещении парламентского большинства и соответствующем изменении его программы — прежде всего, социальной программы! — могло бы возглавлять уже не социалистом Блюмом, а, в лучшем случае, радикалом Эррио. Незачем говорить о том, насколько не соответствовало бы такое правительство и его программа тем надеждам и чаяниям, которые рабочие массы и широчайшие слои трудящихся вообще возлагали и возлагают на Народный Фронт. Но как связать агитацию за «Французский Фронт» с агитацией за «помощь Испании»? Если уже радикальная партия, входящая в состав Народного Фронта и его правительства, в своем огромном большинстве является решительной противницей «вмешательства», то кто-же может сомневаться в том, что вовлечение в состав правительства элементов консервативного либерализма поставило бы окончательно крест на политике «вмешательства» более того — что, оно ввело бы в правительственную крепость Франции представителей социальных слоев, «символ веры» которых во всяком случае «ближе» мятежным генералам, чем Азанья и Кабальеро?

Между политической «открытой помощи» Испании и политикой «Французского Фронта» существует такое зияющее противоречие, что оно не могло не броситься в глаза самим коммунистам. Но в таком случае, как ни чудовищна мысль, что трагедия испанского народа может стать предметом бессознательной политической игры в руках партии, претендующей быть партией рабочего класса, одновременное проведение этих двух взаимно исключающих друг друга политик не допускает иного объяснения, как то, что одна из них — «испанская» — лишь прикрывала от взоров масс те подлинные по-

“ DER KAMPF ”

INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

литические цели, к которым стремились коммунисты. Естественно являлось предположение, что французские коммунисты и в данном случае лишь выполняют поручения Москвы; что, считая военное наступление Гитлера неизбежным, Москва приходит к заключению, что лучше вызвать эту войну в «превентивном» порядке сегодня, чем ожидать, пока Гитлер доведет до конца свой план вооружений, и что лучше, чтобы эта война началась, хотя бы и по «испанскому» поводу, на западном, французском фронте, гарантированном Англией, чем на восточном, советском; что, наконец, именно в виду перспективы войны, Москва предпочитает видеть в Париже не правительство Блюма, а правительство «священного единения» и подготавливает такое «национальное» правительство под этикеткой «Французского Фронта»...

Правильны-ли эти предположения или нет, сейчас сказать никто не может. Но они напрашивались сами собою и вызвали возрастающую тревогу в рядах организованного профессионального, социалистического и даже самого коммунистического движения. Смутное сознание авантюристского характера коммунистической политики начало проникать и в широчайшие рабочие массы, и оформлению этого сознания, конечно, не мало содействовал тот подрыв веры в добросовестность и честность политики Советского правительства вообще, который явился результатом московского процесса и московских расстрелов. Этим объясняется то колоссальное впечатление, которое именно на массы произвела речь Блюма, категорически заявившего, что на него для политики «превентивной» войны рассчитывать ни в коем случае нельзя...

Социалистическая партия получила и полностью использовала возможность открыто поставить вопрос о двусмысленности поведения коммунистов и перед массами, и перед всеми организованными составными частями Народного Фронта, в том числе и перед самими коммунистами. Со своей стороны, она, подчеркивая свою решимость и дальше оказывать рабочим и республиканской Испании всяческую помощь во всех тех формах, которые ей доступны, категорически заявила о своем доверии правительству Блюма и о своем решительном отказе от вступления на путь «Французского Фронта». Всеобщая Конфедерация Труда, также подчеркивая свою полную солидарность с испанскими товарищами, не присоединяется к требованию одностороннего изменения французской политики, а требует лишь попытки сговориться с союзниками и Англией об изменении политики по отношению к Испании, в виду поведения фашистских держав. Она в то же время еще раз заявляет о своем полном доверии к правительству Народного Фронта и протестует против метода организации политических забастовок через голову профессионального центра. Делегация парламентских групп, входящих в Народный Фронт, также встала целиком на защиту правительства Блюма и добилась от коммунистов обязательства при всех условиях голосовать за правительство.

При таких условиях коммунистам не оставалось ничего другого, как «забить отбой»: 9 сентября письмо генерального секретаря компартии, Тореза, социалистической партии сделало сенсационное сообщение об отказе компартии от лозунга «Французский Фронт», а в появившейся на следующий день в «Юманитэ» передовой Марсель Кашен не только заявляет о непоколебимой приверженности коммунистов к «Народному Фронту», но и лозунг «долгой блокады Испании» пытается истолковать, как «предложение нашим товарищам - социалистам изыскать совместно способы помощи героическим испанским республиканцам», т. е. вдвигает его в рамки, общие всему без исключения социалистически и профессионально организованному пролетариату. Одновре-

менно коммунисты соглашаются на немедленный созыв социалистическо-коммунистического «координационного комитета», который они оттягивали в течение месяцев, а «Юманите» прекращает опубликование собственных и перепечатку советских статей и заметок по поводу московских расстрелов с злобными нападками на Социалистический Интернационал.

Является ли этот новый поворот коммунистов результатом их собственного испуга перед лицом тех последствий, к которым вела их тактика до сих пор, или же и он продиктован Москвою, понявшею, наконец, что ее авантюристская политика грозит, подорвав правительство Народного Фронта, ослабить в массах волю к защите Советского Союза, поколебать устойчивость франко-советского пакта и, в конце концов, привести действительно к столкновению всех решающих держав Европы с Гитлером за счет Советского Союза, — сказать сейчас невозможно. Во всяком случае поворот этот благополучно разрешает назревший острый кризис французского Народного Фронта. Но прочным и устойчивым «прояснение атмосферы» окажется лишь в том случае, если этот поворот — не простая уловка для продолжения старой двойственной политики, а действительно новая политика, верховным законом своим ставящая охранение и укрепление Народного Фронта, вопреки всем его слабостям и ошибкам, политика, понимающая, что наследником Народного Фронта, если он потерпит крушение или будет сорван его же участниками, может быть лишь фашизм.

10 сент. 1936 г.

Ф. Д.

Хаим Канторович

В Нью-Йорке скончался в возрасте 46 лет Х. Канторович. Придя к социалдемократии от Поал-Сионизма, он очень скоро занял видное место на левом крыле американского социализма. Обладая острым теоретическим умом и хорошим марксистским образованием, покойный был некоторое время редактором «Векера», органа Еврейского Социалистического Фербанда. При его деятельном участии был основан теоретический орган американского социализма, который недавно превратился в ежемесячник и одним из самых блестящих сотрудников которого был т. Канторович. Он же был основателем Американского Марксистского Общества. Для американского социализма и, особенно, для марксистского крыла его смерть т. Канторовича — тяжелая потеря. Наша партия теряет в нем друга, который много сделал для ознакомления американских социалистов с «мартовской» линией русской социалдемократии.

ПО РОССИИ

ПЯТЬ НЕДЕЛЬ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ (Впечатления американского социалиста).

Американский социалист, выходец из России, поделился в товарищеском кругу своими впечатлениями от поездки в Советский Союз. Он пробыл в Союзе 5 недель, но успел за это время побывать в Ленинграде, Минске, Москве, Киеве, Харькове, на Днепропетровщине, в Одессе, в Крыму и в некоторых колхозах.

Внешний вид городов, особенно Москвы, производит очень хорошее впечатление. Движение на центральных улицах Москвы не уступает движению на 5 Авеню в Нью-Йорке. Встречаются очень красивые новые здания. Улицы содержатся в чистоте. Хуже обстоит дело с дворами, особенно в провинции. Не зная того, как выглядели города раньше, трудно определить, насколько изменился их общий облик. Но вот некоторая иллюстрация: американский товарищ хорошо знал доволюционный Минск. Когда он собрался ехать теперь в Минск, его предупредили, что он «не узнает Минска», настолько он изменился. Минск он узнал. Дома совсем не изменились, стали только старше и хуже, так как за все эти годы никакого ремонта не производилось. Правда, наряду с этими старыми доживающими домами в Минске есть и новые здания: ровным счетом, всего 31. Из них одно — Дом

Правительства — считается одним из самых красивых зданий Союза. В судьбе старых домов, очевидно предоставленных самим себе, есть нечто схожее с судьбой старых людей в Союзе, тихо доживающих в местечках или на окраине города. Безработицы в Союзе нет. Но старые люди — а старыми людьми в Союзе считаются люди, перевалившие через 50 лет — редко имеют работу, они живут на то, что присылают им родственники или дети. Возможно, что то существование старого с новым, которое бросилось в Минске, имеется и в других городах. Важнее однако отметить следующее: люди в Советском Союзе привыкли смотреть на план как на нечто, что уже осуществлено. Так в Минске, как и в большинстве других городов, имеется «10-летний план» городского строительства. По этому плану город действительно должен измениться «до неузнаваемости», но пока этот план только намечен. То же самое надо сказать в отношении Ленинграда: о 10-летнем плане строительства люди там рассказывают много и с увлечением и видят его уже осуществленным, между тем как в реальности к нему еще и не приступили.

Что касается общего вида населения на улицах, на нем следы бедности. В массе своей люди одеты очень бедно. Но опять таки эта бедность не является источником для грустных размышлений. Скорее наоборот: люди, с которыми пришлось говорить, в общем настроены бодро, ибо 2-3 года тому назад им жилось несравненно хуже.

Общее впечатление от жизни населения Союза можно охарактеризовать так: крестьяне сейчас живут лучше, чем жили до 1908 года, рабочие — живут хуже. Эти впечатления основаны на наблюдении жизни рабочих и крестьян, частично же основываются на рассказах и распросах. Средний заработок рабочего сейчас 200-250 рублей. После вычета 10-12% на всевозможные обязательные отчисления и 10% на квартиру остается 150 рублей. За эти деньги можно купить хлеб, картофель, капусту, летом — огурцы. И это все. Одеваться из этого заработка рабочий не может. Семья из 4 человек, из которых двое рабочих, вырабатывает в среднем 400-500 рублей. На эти деньги семья может обеспечить себя хлебом, овощами, покупать немного фруктов летом, 1 кило мяса в неделю и 2 бутылки молока. Но и такая семья не может одеваться из своих нормальных заработков. Ибо пара ботинок стоит в Москве 210 рублей, в Киеве — 250 рублей, верхняя мужская рубашка, стоящая в Америке 1 долл. 55 центов, обходится в 90-100 рублей. За обыкновенный дорожный костюм, в котором американский товарищ раз'езжал по Союзу, ему предлагали 700 рублей.

Средний заработок рабочего в Москве несколько выше, и доходит до 300 рублей в месяц. Имеются рабочие, зарабатывающие значительно больше, но их очень мало. Так на одной фабрике, на которой имеются 700 рабочих, по справке глаблуха оказалось 11 стахановцев, вырабатывающих 700 рублей в месяц, 25 — имеющих по 600 рублей и 50 — зарабатывающих от 300 до 400 рублей; заработок же свыше 600 рабочих достигает в среднем 270 рублей. На другой фабрике тот же средний заработок рабочего составляет только 165 рублей в месяц. Зарботки служащих в среднем едва-ли выше зарботков рабочих. Лучше положение служащих всевозможных государственных магазинов, «универмагов»: получая первыми обувь или другие товары, служащие спешат их продать по вольной рыночной цене. Правда, это небезопасно. В бытность в Минске пришлось прочитать в местной газете об аресте почти всех служащих Минского универмага за спекуляцию.

Огромней массе рабочих и служащих, средний заработок которой составляют 300 рублей, противостоят небольшой контингент людей, зарабатывающих 1500, 2000 и даже 3000 рублей в месяц. Это начальники, директора предприятий. В реальности они имеют даже несколько больше: автомобиль, дачу, привилегии в бытовом обслуживании. Сейчас любопытно отметить новую форму дополнительного вознаграждения, введенную в промышленности: каждая индустрия имеет право отчислять 4% своего оборота на собственные нужды; из этих 4% — 2% идут на новое капиталовложение, а 2% распределяются по усмотрению заводоуправления, из них выдают награды за успешную работу и т. д. Общий заработок инженера, денежное вознаграждение которого равно, скажем, 1000 рубл., на самом деле, принимая во внимание все перечисленные дополнительные виды, равняется приблизительно 2500 рубл. в месяц. Любопытно отметить, что чем человек ответственнее, тем меньше он любит разговаривать «о политике». Ходячий лозунг ответственных работников: «поменьше политики, побольше работы». Они считают, что Сталин лучше всех все понимает и в тонкостях политики ничего разбираться, самое лучшее для страны — поменьше думать, побольше работать. Обыватели в массе своей едва-ли согласны с этим. Они жалуются на дороговизну продуктов и особенно ширпотреба, на тяжелые жилищные условия. Но живя тяжело, жалусь, они все-же настроены оптимистично.

стично и верят в то, что если войны не будет, положение и впредь будет улучшаться.

Особенно оптимистично настроена советская молодежь. В старое время молодежь была занята дискуссиями на вечные темы о справедливости, свободе и т. д. Советская молодежь непохожа на прежнюю. Ее мысли сосредоточены на учебе и карьере. В этом смысле эта советская молодежь несколько напоминает американскую до войны: ведь до войны американская молодежь была уверена в том, что Америка — самая лучшая страна в мире, так как в ней никогда не может пропасть человек, который хочет подняться, выйти в люди и обладает умом и энергией. Отвлеченные вопросы не волновали эту американскую молодежь, точно также не волнуют они и советскую. К молодежи примыкают дети. Вид их в общем не такой цветущий, как об этом принято думать в Европе, тем не менее надо признать, что в отношении заботы о детях в Советском Союзе действительно много сделано и много делается.

Тема, которая занимает самые разнообразные круги населения и которая иногда даже превалирует над вопросом об удовлетворении насущных нужд — это тема об обороне страны. Армия — гордость советских людей. То обстоятельство, что армия стоит стране громадных средств — ни в ком не вызывает протеста, наоборот, все исходит из того, что удовлетворение нужд армии должно стоять на первом месте. Войны бояться все. Насколько власть заинтересована в том, чтобы такая боязнь существовала — выяснить, конечно, нельзя. Факт тот, что война в представлении широких масс населения оборвет ту линию развития, которая наметилась за последние год-два, а этого одинаково не хотят все. Если война все же вспыхнет в Союзе, особенно среди молодежи широко распространено настроение защищать свою страну до последней капли крови. Вот почему оборона страны сейчас самый могущественный лозунг, вот почему для обороны ничего не жаль, вот почему никто не завидует тому, что армии живется лучше, чем гражданскому населению.

За пять недель пребывания в Советском Союзе трудно решить кардинальные вопросы, связанные с промышленностью страны и ее сельским хозяйством. Но кое-что все-же отложилось в памяти. Нет сомнения в том, что в Союзе созданы мощные предприятия, оборудованные по последнему слову техники. Но наряду с великолепным оборудованием тем резче бросаются в глаза недостатки в организации производства, слабость рационализации. Факты из этой области по американским понятиям граничат с грустными анекдотами. Стахановское движение в этом смысле не достигло тех целей, которые оно себе поставило. Это особенно ощущается в легкой индустрии. Вместо рационализации производства дело свелось в погоне за количеством, за счет ухудшения и без того невысокого качества.

Более оптимистические выводы надо сделать в отношении сельского хозяйства. Нет сомнения в том, что за последние год-два колхозы хозяйственно укрепились и крестьянство в массе своей с ними не только примирилось, но и начало проявлять к ним хозяйственный интерес. Относительно хуже в силу целого ряда причин положение в Белоруссии. Но об этом здесь в нескольких словах трудно сказать. Но на Украине, в Крыму и в других местах положение заметно лучше. В Белоруссии крестьянин-колхозник получает на трудодень 1-2 килограмма зерна, на Украине—5-12 килограммов. Это практически означает, что у колхозника после удовлетворения своих личных потребностей остаются еще хлебные излишки, которые он может продать на рынке. Все колхозники имеют кроме того приусадебные земли, каждый имеет корову, а то и две. Те из колхозников, которые держат породистых коров, имеют право иметь их до 3 голов. Литр молока стоит в Союзе свыше рубля. Таким образом и от коровы колхозник, имеющий сено и зерно, имеет маленький, но прочный доход. Сторонние заработки колхозников трудно поддаются учету, но они значительны. Правда, материальное положение колхозников неодинаково. Обычно в основу этого неравенства кладется исчисление трудодней, которые заработала данная семья. Среднее количество трудодней — 200, но есть семьи, вырабатывающие до 600 и даже до 750 трудодней в год. Такие семьи живут вполне зажиточно, в их доме хорошая мебель, у детей есть велосипед, а наряду с этим имеются семьи, которые живут бедно. В какой мере здесь можно говорить о новой социальной дифференциации в деревне — сказать трудно, но разница в жизни колхозников одной и той же деревни бросается все-же в глаза. Во всяком случае механизацию сельского хозяйства и связанную с ней коллективизацию надо признать большим достижением.

Вопрос о социальной дифференциации один из самых жгучих вопросов советской жизни. Он жгуч, однако, не в сознании самих советских людей, а сам по себе, ибо от того — происходит ли новая дифференциация, усиливается или,

На складе „Социал.Вестника“

имеются следующие издания:

ЦЕНА ВО БРАНКАХ
для подписчиков „Соц. Вестн.“

Вместо: 40% скид.

Ю. Мартов: Мировой большевизм.	7,50	4,50
Ю. Мартов: В борьбе за Интернационал.	9,00	5,40
Ю. Мартов: Долой смертную казнь.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Большевизм в России и в Интернационале.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Записки социалдемократа.	21,60	10,80
К. Каутский: Соц. Интернационал и Сов. Россия.	6,00	3,60
К. Каутский: Большевизм в тупике. Со статьей Ф. Дана «Проблемы ликвидации».	24,00	14,40
Фр. Адлер: Об отчете Английской Делегации (с предисловием Ф. Дана).	3,00	1,80
Ф. Дан: Два года скитаний.	12,60	7,60
Д. Далин: После войн и революций.	18,00	10,80
А. Югов: Народное хозяйство России и его проблемы.	31,50	19,00
А. Югов: Пятилетка. С послесловием Ф. Дана Перспективы генеральной линии.	25,00	15,00
Гр. Аронсон: На заре красного террора.	30,00	18,00
А. Jugow: Le Plan Quinquennal. . .	25,00	20,00
О. Domanewskaja: Agrarsozialismus in Sowjetrussland.	12,00	10,00
Th. Dan: Les Socialistes russes et la dictature du Proletariat.		1 fr.
R. Abramovitch: Les Prisonniers politiques dans la République des Soviets.		6 fr.
S. Schwarz: Lénine et le mouvement syndical.		6 fr.

Скидка лишь при покупке за наличный расчет!

На складе „Социалистического Вестника“ имеются следующие новые номера журналов:

- № 3 «Idée et Action», цена 2 фр. 50.
- № 3 «Sozialistische Tribüne», 152 стр., цена 10 фр.
- № 9 «Der Kampf», цена 4 фр.
- № 3 «Marxistische Tribüne», 44 стр., цена 1 фр. 75.

наоборот, слабеют эти тенденции, — в конечном счете зависит многое. Несомненно в Союзе существует сильная потребительская дифференциация. Когда заходишь в гостиницу, где тебе и другим подают паюсную икру, обслуживают тебя хорошо одетые служащие, а ты только что вернулся из дома, где семья живет на 250 рублей и может покупать себе только хлеб и картофель — тебя невольно охватывает чувство какой-то большой недовольности. Разница в уровне жизни привилегированного сословия и остальной массы населения в Союзе приблизительно такая же, какая была в старой России между жизнью дворянства и простым людом. Но есть одна существенная разница: положение этого привилегированного сословия непрочное. Заслуг в Советском Союзе ни за кем не признается. И, если сегодня в газете появляется статья о необходимости повышения «бдительности», например, в Главлескоме, это на практике приводит к тому, что завтра там вылетят многие руководители, получавшие большие оклады. Они найдут другое место, на котором будут уже иметь не 1500 рублей, а каких-нибудь 400-500 рублей. Смены руководства — явление частое и внезапное — и эти смены ослабляют впечатление об образовании какого-то прочного привилегированного сословия, прочной бюрократии. Дифференциация психологическая — выступает совершенно рельефно. Но она сказывается не только в том, что у одних есть все, а у других — ничего или во всяком случае — мало. Она сказывается и в самом строе жизни. Вы едете в Московском метро. Оно действительно поражает своим великолепием, такого метро нет в Европах. Но в вагоне метро сидят рабочие, сквозь худую обувь проглядывают пальцы, иногда и вовсе босые. Возможно, что это буржуаз-

ный предрасудок, но глядя на мрамором выложенные стены метро, невольно думаешь: лучше бы обошлись без мрамора, а дали возможность рабочим одеваться. Но любопытно, что советские граждане смотрят на это иными глазами, их не шокирует это противоречие, они гордятся роскошью своего метро, говоря, что этим руководители советской политики хотят показать, что там, где они могут, они делают лучше, чем в Европе.

В этой связи надо остановиться на том, что американский наблюдатель характеризует как «советский психоз». В Америке, да и в других странах Западной Европы, люди совсем иначе подходят ко многим явлениям жизни, чем советские граждане: они недовольны и критикуют, когда растет дороговизна жизни или ощущается нехватка в товарах, советские граждане довольствуются объяснением, что недостатки их жизни проистекают оттого, что средства нужны для обороны: нигде в мире лояльность к своему отечеству не развита так, как в Советском Союзе. Возможно, однако, что эта лояльность только внешняя, возможно, что в стране есть люди, которые иначе относятся, но встретить их трудно.

К той же категории «советского психоза» можно отнести и современный оптимизм. Люди в массе своей обеспечены сейчас только хлебом и овощами, но они не только не ропщут, они довольны. Где корни этого оптимизма? Они в том, что 2-3 года тому назад было плохо, 2-3 года назад был голод (все, что тогда писали иностранные газеты относительно голода в Советском Союзе, действительно верно) и вот люди рады, что теперь у них есть хлеб, хлеб для них явился сенсацией, жить стало лучше. Со всех плакатов кричат советским гражданам слова: «жить стало лучше, жить стало веселее» — это действует даже на тех, кому не стало лучше, это как-то заражает.

Население живет в Союзе сегодняшним днем. Вот почему, между прочим, оно пока еще не расшевелилось в связи с новой конституцией. Обрадовались ей только лишенные, ограничения которых по конституции отменяются. Интеллигентские и партийные круги особенно интересуются тем, как отнесся мир к новой конституции. Когда им указываешь, что в этой конституции есть много слов, которые имеются и в американской конституции, и тем более поражает, что в ней отсутствует свобода для политических партий, — они изумляются и говорят, что за одинаковыми словами стоят разные понятия. В дороге один молодой военный никак не мог понять, как может существовать в Америке свобода политических партий и как правительство не боится, что какая-нибудь партия его может свергнуть. Вообще в Советском Союзе интересуются международными вопросами, но интерес этот ограничен теми вопросами, которые близко касаются жизни Советского Союза. Лояльность к своему отечеству сказывается и в отношении к конституции: даже те, кто недоволен режимом, будут голосовать за коммунистов. Это мнение пришлось слышать от очень многих.

На фоне этого оптимизма и лояльности к своему отечеству Московский процесс, сопровождавшийся казнью 16-ти, произвел впечатление грома из ясного неба. Когда появились первые симптомы новой волны террора и пошли заметки в газетах о раскрытии «троцкистских гнезд» — многие из советских граждан отнеслись к этому совершенно спокойно: мол, так и нужно, ведь может быть будет война и для обороны страны нужно в первую голову уничтожить и выявить всех внутренних врагов. Идея, что все что делает ГПУ и Сталин — хорошо, доходит иногда до абсурда. Думается, что если бы жил Ленин и его расстреляли, люди нашли бы, что раз это сделано, стало быть это было нужно!

Подводя некоторые предварительные итоги своим впечатлениям, американский социалист пришел к следующему: я уехал из Советского Союза очень разочарованным. Отправляясь в Союз, я готовился к тому, что найду там много материала для критики, но я не ожидал, что встречу там такой контраст со всем моим представлением о социализме и думаю, что человек, не выросший в Советском Союзе, ужиться в нем в обстановке нынешней политической системы едва ли смог бы.

КОМПЛЕКТЫ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА“ за 1935 год

В ПЕРЕПЛЕТЕ . . . . Цена 100 фр.

Библиотекам и членам групп содействия предоставляется скидка в 25 процентов. В небольшом количестве имеются и комплекты за 1932, 1933 и 1934 г.г., по цене 100 фр. за том

Издания, поступившие в редакцию:

Idée et Action, № 3, Septembre, 1936.

Der Kampf, № 9, Septembre 1936.

Cahiers du bolchevisme, № 14-15, 25 Août 1936.

La Révolution prolétarienne, № 229.

Sozialistische Tribüne, № 3, August 1936.

Que faire? Revue communiste, № 21, Septembre 1936.

Знамя России, № 9 (85).

От редакции. Следующий, двойной номер выйдет 10 октября.

За недостатком места откладывается до следующего номера статья С. Шварца о годовщине Стахановского движения.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 3/9; 10/9.

Отослано: № № 20, 21.

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно по-лучить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т :

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELLIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала (от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

В конторе „Социалистического Вестника“ принимается подписка на следующие издания :

1. „NEUER VORWAERTS“ — еженедельный орган германской соц.-дем-тии, издаваемый в Карлсбаде, цена за 3 мес. — 18 франц. фр.
2. „ZEITSCHRIFT FUER SOZIALISMUS“ — ежемесячный орган Герм. Соц.-Дем. Раб. Партии. Цена за 6 месяцев — 20 фр. франков.
3. „ARBEITER-ZEITUNG“ — еженедельный орган австрийской с.-дем-тии, цена за 6 мес. — 12 франц. фр.
4. „POPULAIRE“ — ежедневная газета франц. соц. партии, цена за 3 мес. — 25 франц. фр.
5. „KAMPF“ — ежемесячный с.-д. журнал австрийской партии, цена за год — 40 франц. фр.
6. „IDÉE ET ACTION“ — ежемесячный журнал, цена за год — 25 фр.
7. „LA BATAILLE SOCIALISTE“, цена за год — 10 фр.
8. „LA GAUCHE REVOLUTIONAIRE“, цена 10 №№ — 5 фр.

Подписка принимается не менее, чем на 3 месяца по ценам издательств.